

Л. Е. Кройчик
САМОТВОРЕНИЕ

— I —

А едоход оттепели начался пятого марта 1953 года. Москва. Я — студент первого курса геолого-разведочного института имени Серго Орджоникидзе.

6 утра. В комнату, где я сплю, входит плачущий дядя:

— Левочка, умер Сталин.

О болезни вождя говорят и пишут уже двое суток. Но тут холодок: что со всеми нами теперь будет?

Привычка жить «под вождем».

Следом за дядей врывается тетка:

— Слышал? Сталин умер! Любочка теперь вернется!

Любочка, Любовь Марковна Раппопорт, подруга юности моей тети. Иногда по пятницам вечером она бесшумно возникает в доме тетки. Живет тетя Люба в Малоярославце. На 101-м километре. Я не знаю, сколько на самом деле километров от Москвы до Малоярославца. Знаю одно — Любовь Марковна жила долгие годы в ссылке, в Южном Казахстане, как жена «врага народа». Ее муж, зубной врач, вскоре после заключения пакта о ненападении, ковыряясь в зубной полости очередного пациента, заметил:

— Зря мы все-таки заключили с Гитлером договор.

Зубного врача арестовали — десять лет без права переписки, имущество конфисковали, жену отправили в ссылку — на рудники. В начале пятидесятых Любви Марковне разрешили поселиться в Малоярославце, откуда та тайком приезжала к подруге в Москву. «Отмокать», как она говорила.

Сутки «отмокала» в квартире на улице Правды, а вечером следующего дня отправлялась назад в Малоярославце.

Тетя моя, Фаня Мойсеевна Коган, нюхом почувствовала перемены.

Так оно впоследствии и произошло. После двадцатого съезда Любовь Марковну реабилитировали, дали комнату в коммуналке на Ленинском проспекте.

Но в марте пятьдесят третьего кто мог это предполагать?

Впрочем, события развивались быстро.

Июль пятьдесят третьего. Шахтерский городок Шекино в Тульской области. Мы, первокурсники, на практике в местных шахтах, добывающих бурый уголь. Спускаемся в шахту, ходим по штрекам, рисуем какие-то схемы.

Однажды, когда вылезли на поверхность, меня встречает взволнованный сокурсник:

— Кто у нас второй человек в государстве?

— Берия.

— Арестован как враг народа.

— Не может быть!

— Вот тебе и не может быть!

А ведь именно Берия недавно прекратил «Дело врачей». И что-то произошло тогда, когда в газетах появилось краткое сообщение, что с большой группы врачей сняты все обвинения.

Чуть-чуть потептели лица.

И вот — Берия арестован. Верный сталинец. Настоящий коммунист и замечательный чекист!

Это — потрясение!

Понять, что происходит, очень трудно.

А в сентябре того же года заседает пленум ЦК партии, посвященный проблемам сельского хозяйства. Советский крестьянин получает свободу: отменяется кабальный сельхозналог, деревня получает паспорта.

В газетах перестают упоминать имя товарища Сталина, перестают его цитировать по каждому поводу. Пишут о коллективном разуме партии, о коллегиальности руководства.

На одном из институтских вечеров вопросов и ответов (практиковались в те годы такие вечера) из зала спрашивают:

— Почему со страниц газет исчезло имя товарища Сталина? Что происходит?

Преподаватель кафедры марксизма-ленинизма разводит руками:

— Сам понять не могу.

Потом была «Оттепель» Ильи Эренбурга и первые очерки, получившие название «деревенских», «Подпочвенный неясный гул», как скажет поэт.

... А потом будет XX съезд партии.

Рубеж.

Точка отсчета зарождения нового мышления.

Помню свои ошущения: в тесной одиннадцатой аудитории истфака ВГУ (я к тому времени уже был третьекурсником университета) нам, партийно-комсомольскому активу факультета, читают доклад Никиты Сергеевича Хрущева «О культе личности и преодолении его последствий», и я вдруг начинаю понимать — нам впервые говорят правду.

Правду о том, что со всеми нами было **после** Ленина.

Пройдут годы, и я пойму, что тогда, в начале 1956 года, страна узнала не всю правду; что дело не только в злодеяниях Сталина, но и в социально-нравственной негодности самого режима; что жестокий деспотизм Сталина произрос на почве не менее деспотичной идеи Ленина о диктатуре пролетариата.

Но тогда, в пятьдесят шестом, я понял две вещи: во-первых, основы веры, слепой, не рассуждающей, не могут служить единственной точкой опоры духовной жизни; а во-вторых, меня, молодого человека, приглашают к активному сотворению мира, основанного на принципах добра и справедливости.

Об общечеловеческих ценностях тогда вслух не говорилось, но словосочетание «восстановление справедливости» вошло в общеполитический лексикон.

Возвращались в обиход забытые (или полузабытые) имена — Мейерхольд, Мандельштам, Ахматова, Зошенко, Платонов.

Вспомнили о Бунине, Гиппиус и Саше Черном.

Возник театр «Современник».

Появились новые литературные журналы — «Юность», «Москва».

«Новый мир» Твардовского, борясь с «Октябрем» Кочетова, становился все более заметным источником свободомыслия.

Прорвались на советские киноэкраны итальянские неореалисты — Феллини, Антониони.

Поэзия становилась громкогласной — Евтушенко, Вознесенский, Рождественский.

Оказалось — мы живем «в прекрасном и яростном мире», в котором и от тебя многое зависит.

«Твори, выдумывай, пробуй!» — эта формула Маяковского придет в столкновение с его же знаменитым высказыванием «Голос единицы — тоньше писка. Но если в партию сгрудились малые, сдайся, враг, замри и ляг!»

Пройдут годы, и в спектакле Театра миниатюр ВГУ «Требуется монарх» прозвучит: «Иди, мужик, твори, выдумывай, но не пробуй нас обмануть!»

Но все это будет в конце шестидесятых, а тогда — в предшествующее десятилетие — было другое время.

Время надежд.

Время иллюзий.

Еще немного, еще чуть-чуть, и наступит время «совсем хорошее», как сказал Аркадий Гайдар.

— II —

Воронежскому университету повезло.

Время надежд совпало с ректорством Бориса Ивановича Михантьева, человека со стороны и потому не укорененного в местную почву.

А местная почва — провинциализм.

По существу университет был сметен войной — разрушены корпуса и общежития, уничтожена практически вся материальная база, в значительной степени потрепано кадровое ядро вуза.

Выжить! — лейтмотив первых послевоенных лет. И вернуться к прежней жизни.

В прежнем ее формате.

«Чужаку» Михантьеву (оренбуржец, москвич, поволжец) было тесно в прежнем формате. Наверное, тогда срабатывала еще и психология фронтовика, вернувшегося с войны живым и рвавшегося к самоутверждению.

А тут — кресло ректора, и можно многое начать с нуля.

Сделать фантастическое возможным.

Борис Иванович Михантьев был ректором ВГУ в 1953—1965 годах.

За эти годы шесть факультетов университета превратилось в одиннадцать.

Открыто 35 новых кафедр. Появились новые специальности. Возникли НИИ математики, физики, химии. Создано издательство.

Выстроены новые учебные корпуса и общежития.

Число студентов достигло 12 тысяч человек, аспирантов — 260 вместо тридцати.

Преподавательский корпус увеличился более чем в три раза: учебный процесс в университете обеспечивали 35 профессоров и 530 доцентов, кандидатов наук.

За этими цифрами решающий фактор успеха — последовательная активизация творческих возможностей личности.

Борису Ивановичу Михантьеву повезло с эпохой.

Университету повезло с ректором.

Но главное везение — ректор угадал главный, как мне кажется, ресурс той поры — апелляцию к человеку.

Доверие к нему.

Университет той поры — это профессора, деканы, заведующие кафедрами Валентин Сидорович Рахманин, Владимир Васильевич Гусев, Николай Михайлович Чернышов, Юрий Петрович Афиногенов, Анатолий Петрович Старков, Андрей Петрович Тарков, Марк Александрович Красносельский, Геннадий Федорович Горский.

Александр Сергеевич Пушкин заметил прозорливо: «Самостояние человека — залог величия его».

Время «оттепели» — время самотворения.

Время проверки собственных сил — на что способен.

Время самостоятельности.

Время инициативы.

Субъективное ощущение: «оттепель» пятидесятых-шестидесятых подготовила либерально-демократическую эволюцию девяностых.

С теми же иллюзиями, с теми же надеждами, с теми же правилами и ошибками...

А что было?

Лето пятьдесят шестого. ЦК комсомола обращается к студентам: «Помогите убрать урожай целины!»

Целина в те годы, как молодой еще космос: святое дело.

О песчаных бурях не думают. Об интенсивном земледелии речи не идет. Есть пространство неосвоенных земель.

«Да здравствует романтика пустынь!»

Слова в скобках — стихи Владимира Луговского, в тридцатые годы воспевавшего просыпающуюся Среднюю Азию.

Здесь они к стати.

Зреет большой урожай (позже выяснилось, что небольшой — 10—12 центнеров с гектара, но ведь гектаров-то этих тысячи!) — надо помочь.

Обращаются за помощью — как отказать?

Так зарождается в стране студенческое отрядное движение.

Первая его фраза — подсобные работы. Разумеется, были среди отрядовцев и механизаторы (у нас за руль трактора сразу сел Слава Семенихин, а чуть позже — и Гриша Шевченко), но в целом самостоятельных задач студенческие отряды той поры не решали: ребята работали на полях, на зерноскладах, в овощеводческих бригадах, девчонки становились копнильщицами, парни — прицепами.

Однако уже на этом — первом — этапе стала заметной особенностью студенческого отрядного движения — готовность проявлять инициативу.

Ах, как шикарно мы уезжали летом пятьдесят шестого на уборку урожая на целину!

К перрону вокзала подошли эшелон, увитый кумачом и зеленью, гремела музыка, провожающие говорили соответствующие слова, и мы, чуточку обалдевшие от всеобщего внимания, через полстраны покатали на восток — в Казахстан.

Буквы «р» в слове «р-р-романтика» не поубавилось даже тогда, когда мы прибыли на место — на полевой стан пятого отделения совхоза «Изобильный» Еркеншиликского района Акмолинской области.

Посреди степи стояло два старых вагончика и наспех сколоченный стол. Рядом — нехитрая полевая кухня — не армейская, нет, аккуратная и удобная для кашеваров, а печь на открытом воздухе: два котла, вмазанные в кирпич.

Первая ночь была и жесткой (спали на матрасах, еще не набитых соломой), и суровой — выяснилось, что вагончик, в котором расположились девчонки, протекает.

Появившийся утром управляющий отделением был краток и точен. Из его речи, выслушанной нами с большим вниманием, явствовало:

а) чтобы жить на полевом стане, надо привести его в надлежащий вид;

б) чтобы полевой стан имел надлежащий вид, необходимо было выстроить здесь два барака-общежития;

в) чтобы выстроить бараки, следует заготовить саман;

г) чтобы заготовить саман (а заодно — и выстроить бараки), необходимо создать бригаду строителей;

д) подготовить ток к уборке урожая;

е) создать бригаду для работы на бахче.

— А с водой как быть? — спросил кто-то.

— Экономить! — Просто сказал управляющий. — Воду мы вам будем возить. Можете, конечно, попробовать отрыть колодец. Но успех этого занятия я вам не гарантирую.

В отряде две трети — городские ребята. О самане мало что знают. О строительстве — тоже. Однако взялись. И уже через несколько дней на полевом стане возвышались три незатейливых барака: один для женкой части отряда, второй — для шоферов-москвичей, третий для ивановских ткачих, которые к началу уборки должны были объявиться на полевом стане.

Потом точно так же бригада строителей, возглавляемая Геннадием Чикиным, занималась ремонтом кошар в нескольких километрах от основной нашей базы. Только теперь главным строительным материалом был бут.

Целина не просто давала навыки профессионального труда — она учила добиваться нужного результата.

Еще один эпизод из того же лета.

С водой на отрядном полевом стане было плохо. Ее привозили теплую, мутноватую с центральной усадьбы совхоза.

И — не всегда вовремя.

И тогда братья-близнецы Виктор и Евгений Огневы, лейтенанты запаса, пришедшие на истфак после знаменитого хрущевского сокращения армии, взялись рыть колодец.

Наугад.

Не имея на это никакой специальной подготовки. Ими двигала жажда.

Не жажда напиться досыта холодной воды — жажда деятельности.

«Оттепель» была удачной эпохой для деятельных натур.

Братья прекрасно пели — ходили в кружок вокального пения к замечательному педагогу Екатерине Владимировне Кожевниковой, выступали на «Веснах», охотно участвовали в любых спортивных соревнованиях (позже Виктор возглавил Белгородский областной спорткомитет) — и ничего не боялись. Когда началась война Египта с Израилем, записались в добровольцы. Слава Богу, война закончилась раньше, чем рапорты храбрых лейтенантов рассмотрели в Министерстве обороны.

«Оттепель» рождала небоязнь. Не бестрашие, нет, не жажду героического деяния, а именно небоязнь — был запас доверия к жизни и веры в собственные возможности.

...И отчаянные братья начали рыть колодец. Сначала над ними посмеивались: какая

может быть вода в этой каменистой земле? Потом стали потихоньку помогать, а когда земля стала потихоньку сыреть на дне глубокой ямы, и вовсе организовали специальную бригаду — братья Огневы, Женя Мистюков и Гриша Шевченко.

И — докопались!

На глубине шести метров вода стала наполнять колодец...

А в начале шестидесятых студенческое отрядное движение превратилось в реальную силу. Был создан Центральный штаб студенческих строительных отрядов, координировавший отрядное движение в стране, и университетские отряды ежегодно отправлялись в Казахстан, Сибирь, на стройки области.

Университет легко вписался в это движение — «Светлана», «Гренада», «Репортер», «Фемида», «Атлант», «Орбита», «Вега»... Стройотрядовское движение шестидесятых — восьмидесятых — мощный производственный ресурс государственной политики.

Студенты строили жилые дома в селах Казахстана, в Оренбургской и Воронежской областях, участвовали в электрификации Юго-Восточной железной дороги, возводили промышленные объекты в районах области.

Счет шел на миллионы рублей.

Но дело не только в объемах освоенных средств — отрядное движение формировало людей.

Рождалось поколение созидателей, знающих себе цену.

До сих пор слышу: отряды — форма эксплуатации молодого энтузиазма — государство затыкало студентами какие-то народнохозяйственные дыры. Да и бойцы отрядов не были альтруистами-бессребренниками: люди думали прежде всего о личной выгоде, о собственных заработках.

Не буду спорить с этими расхожими утверждениями, тем более что в них есть какая-то доля правды.

Но только — какая-то.

Доктор химических наук, выпускник университетского химфака Борис Чистяков на встрече, посвященной пятидесятилетию первого студенческого отряда ВГУ, честно признался:

— Вот говорю — романтика, романтика... А я поехал в Казахстан, потому что дома есть было нечего. И были нужны деньги на какую-нибудь одежонку.

И это — не кокетство. Страна жила скудно, если не сказать — нише. Но в стройотряды

и сельхозотряды ехали не только за длинным рублем — хотелось себя проверить.

Понять — на что способен.

Отряд формировал личность.

Человека инициативного, трудолюбивого, изобретательного, стойкого учил дисциплине и ответственности.

Сотни будущих управленцев — министров, губернаторов, директоров, менеджеров — окончили школу стройотрядовского движения. Бывшие стройотрядовцы сегодня — ректоры и деканы, заведующие кафедрами, руководители НИИ, доктора и кандидаты наук, писатели, журналисты, видные деятели культуры.

Геннадий Чикин стал проректором университета, заведующим кафедрой.

Виктор Вережников, Борис Чистяков, Владимир Гусев, Валентин Анохин, Анатолий Баскаков, Станислав Кадменский, Корнелий Чернышев, Виктор Перелыгин, Владимир Шапошник — докторами наук, заведующими кафедрами в вузах Москвы, Воронежа, других городов.

Игорь Зорников возглавляет Центр академического обмена.

Олег Гуков — член Союза писателей России.

Людмила Врадий — заслуженный работник культуры Украины.

Олег Романов — генерал-майор.

Не знаю точных цифр, но думаю, что четверть преподавательского корпуса университета выросла на отрядных дрожжах.

Отрядное движение, мне думается, стихийно продемонстрировало преимущество иной, нежели государственно-плановой системы хозяйствования. Понятно, в те годы о рынке никто не рассуждал, но естественное стремление молодых организаторов отрядного движения и столь же молодых его бойцов доказать, что они многое могут и многое умеют, привело к удивительному росту производительности труда на студенческих стройках при отличном качестве работ.

«Каждый объект — под ключ!» — этот девиз обязывал к высокой дисциплине труда и высокой ответственности за сделанное.

Вспоминаю, как в шестьдесят четвертом вместе с директором совхоза осматривал коровник, построенный бойцами университетской «Светланы».

— Когда студенты приехали, — признался директор, — мы предложили им сельскохозяйственные постройки, думая, что строительство жилых домов им не под силу. Но

вы посмотрите — как оштукатурены стены!.. На следующий год дадим этим ребятам более сложный объем работ — строительство жилых домов.

И ведь так оно потом и было.

Отряд давал уверенность в своих силах.

«И я с уважением взглянул на руки, которыми столько мог», — писал до войны никому тогда не известный поэт Павел Коган, «Бригантину» которого в шестидесятые пели у отрядных костров.

В шестьдесят шестом на первом Всесоюзном слете бойцов строительных отрядов в Кремлевском дворце съездов случилось непредсказуемое: заканчивался концерт, и ведущий его объявил:

— А теперь давайте все вместе споем «Подмосковные вечера».

И Юрий Силантьев уже взмахнул дирижерской палочкой.

И оркестр Всесоюзного радио и телевидения уже вскинул смычки и трубы.

И вышел солист.

Но зал выдохнул:

— «Бригантину!»

Возникла небольшая пауза.

— «Бригантину!», «Бриган-ти-ну!» — скандировал зал.

Но ни солист, ни дирижер, ни оркестр не могли послушаться начальства.

И со сцены полилась мелодия «Подмосковных вечеров».

Но шесть тысяч молодых глоток ответили «Бригантиной».

Так и шло это соревнование — до последнего куплета.

Тогда в Кремлевском дворце съездов отряды доказали, что могут соревноваться с государством, отстаивая свое право на поступок.

Но за стенами Дворца текла привычная жизнь, там энергию молодых умело направляли в нужное русло.

Там партия постоянно напоминала, кто в доме хозяин.

— III —

«Оттепель» — время стремления высказаться.

Вдруг появился журнал «Открытый взгляд», придуманный Марком Бентом и Вадимом Куропаткиным, студентами-филологами. Нормальный толстый журнал — с прозой, стихами, литературной критикой и даже отделом пародий под рубрикой «Куропаткин на-а-чинается!!!»

Сцена из спектакля «Смерть Тарелкина» по пьесе
А. В. Сухово-Кобылина. В ролях П. Новиков и В. Кулиничев

Сцена из спектакля «Самоубийца»
по пьесе Н. Эрмана.
В ролях П. Новиков и Д. Дьяков

Сцена из спектакля «Самоубийца» по пьесе Н. Эрмана

Художественный руководитель Театра песни А. В. Каплан

Сцена из спектакля
«Черный человек, или Я, бедный
Сосо Джугашвили» по пьесе
В. Коркия. В главной роли
Б. Подгайный

*Сцена из спектакля «Целый вечер, как проклятые» по пьесе М. Розовского.
Вторая дама — Н. Козлова*

Сцена из спектакля «Голубая книга» по повести М. Зощенко

Театр «На виражах»

Поет Театр песни

Театр «На виражах»

Журнал как журнал. Никакой крамолы.

Но — испугались.

Как там у Беранже — «Для примера надо его наказать»?

Журнал прихлопнули, публично вправив мозги: Бента и Куропаткина отчислили из университета, предварительно устроив идеологическую промывку мозгов.

Чтобы другим не повадно было.

Но остановить процесс уже было нельзя.

Осенью пятьдесят шестого геологи провели вечер поэзии, на который созвали университетских поэтов. Организатор вечера — Дмитрий Сергеевич Дмитриевский, бывший в те годы деканом факультета. На сцену выходили рыжебородый Илья Яковлевич Фурман, доцент факультета, Виталий Татьянин, Владимир Порядин, студенты-геологи, поэты с других факультетов и из других вузов.

Идея была так хороша, что тут же материализовалась в Дни поэзии. Двадцать пятого марта 1957 года провели первый День, это действительно был день — с утра две поэтические бригады выступали на переменах (тайком «откусывая» часы от занятий) в корпусах гуманитарных и естественно-научных факультетов.

Комитет комсомола выпустил по этому поводу рекламную листовку, так что студентов ждали. А вечером в актовом зале был грандиозный вечер. Битком набитый зал аплодировал Олегу Гукову, Станиславу Никулину, Владимиру Порядину, Михаилу Сафонову, гостям университета — Анатолию Жигулину, Роману Солнцеву.

Я вел этот вечер, и вспоминаю, как штурмовали меня за кулисами два еще никому не известных человека — Олег Шевченко и Эдуард Пашнев.

Долговязый Пашнев подталкивал ко мне маленького, шупленького тогда Олега и говорил быстро:

— Выпусти его, выпусти его! Ты знаешь, какие он хорошие стихи пишет. В девятом классе учится, а уже настоящий поэт. Не чета вашим!

И кивал в сторону сцены, где очередной университетский поэт срывал очередные аплодисменты публики.

— Ребята, у меня же жесткая программа, мы же все рассчитали. Два отделения по часу. Народ не усидит, — отбивался я.

— Усидит! — громко шипел Олег. — Если нельзя двоих, выпусти его. Он же рабочий сцены в театре. Его нельзя не выпустить.

Выпустил, кажется, обоих. Ребят приняли тепло.

Чуть позже к организации Дней поэзии ВГУ подключился университетский партком. Игорь Зорников, отвечавший в нем за оргработу, связался с Москвой. Москва стала посылать в Воронеж поэтов. Приезжали Наум Коржавин, Марк Соболев, Петр Ветин, к которым присоединились поэты-воронежцы Владимир Гордейчев, Виктор Поляков.

Что собирало людей?

Ожидание живого слова.

Ожидание открытия мира.

Очень хотелось сопереживать всему этому.

Такое было время, когда хотелось быть поэтом, художником, творцом.

Это была настоящая самодеятельность. Настоящее самотворение. Совсем не главное, что многие из тех, кто выходил в те годы на сцену университетского актового зала, не стали профессиональными поэтами и не издались собственных книг.

(Хотя позже и Виталий Татьянин, и Володя Порядин, и Станислав Никулин, и Валерий Мартынов, и Аркадий Слуцкий, и Людмила Бахарева выпустили свои сборники стихов. А кто-то и вовсе ушел в профессионалы.)

Не в этом дело.

Шестидесятые (я говорю не о хронологии, а об эпохе) — время переживаний.

Не стеснялись радоваться жизни. Огорчаться. Плакать. Негодовать. Сочувствовать.

Волноваться не стеснялись.

Хотелось предьявить себя миру.

И тут мне хочется обратить внимание вот на какое обстоятельство: университетская сцена не была подиумом, на который поднимались какие-то особые люди.

Это были люди из зала.

И говорили они о том, чем жил зал. Сейчас я понимаю, что стихи, звучавшие со сцены очень часто были немудрящими, безобразными. Но они были жданными.

Эта смелость творчества и его восприятия, пожалуй, была самой характерной приметой тех лет.

Никого не надо было уговаривать стать творцом. Именно тогда, в начале шестидесятых, зародились «Весны». Придумали их историки.

«Весны» пришли на смену традиционным смотрам художественной самодеятельности.

Вы угадываете разницу между словами «смотр» и «Весна»?

Смотр — что-то сугубо официальное, народное, торжественно-показушное.

Весна — буйство жизни, буйство красок, буйство пробуждения природы.

Так оно и было.

Физики придумывают пародийный академический хор.

Химики отвечают остроумным кинофильмом.

Филологи придумывают спектакль «Жизнь и обычные приключения Германа Буханкина, студента и человека (с этого спектакля началась история Театра миниатюр ВГУ).

Геологи, объединившись с биологами, создают музыкально-танцевальные композиции.

Математики отвечают вокальным дубль-квнтетом под руководством Анатолия Каплана. (Пройдет несколько лет и из этого квартета вырастет Театр песни ВГУ.)

И все мечтали стать победителями на «Весне». И все были победителями, независимо от добытого в жарких спорах с жюри места.

Потому что когда очаровательные преподавательницы факультета романо-германской филологии выходили на сцену вместе со своими студентками, это было прелестно по своей сути — так ощущать свою причастность к самостоятельному творчеству мог только очень внутренне свободный человек.

«Мы не боимся быть наивными, мы не боимся выглядеть непрофессионалами — нам нравится быть самими собой и получать от этого удовольствие», — все это читалось на лицах.

На лицах тех, кто сидел в зале, и на лицах тех, кто поднимался на сцену.

А ведь работали в университете и общевузовские коллективы — симфонический оркестр под руководством народного артиста РСФСР Анатолия Людмила, фольклорный ансамбль, которым руководила Лолита Григорьевна Ларионовская, джаз-оркестр под руководством Константина Антипова, кружок сольного пения под руководством Екатерины Владимировны Кожевниковой.

И проходили выставки прикладного искусства и выставки фоторабот и произведений живописи.

И преподаватель выходил на сцену не только потому, что за это факультету начислялись дополнительные баллы, а потому еще, что преподавателю очень хотелось стать равноправным участником того придуманного самими праздника, который называется «Университетская весна».

Слово «культуртрегер» отдает некоей официальностью, но то, что происходило в университете в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, очень соответствовало этому понятию — «носитель культуры».

Не хочу противопоставлять нынешние «бессловесные» «Весны» «Веснам», ушедшим в историю, но тогда со сцены в зал несло высокое поэтическое слово и звучала классическая музыка. И форма никогда не заглушала содержание.

Потому что зал и сцена были единомышленниками в своем стремлении увидеть мир достойным и прекрасным.

Царила искренность, а не мода.

Поэтому с таким удовольствием выходил на сцену со своим аккордеоном профессор Василий Федорович Зудин и исполнял к вящему восторгу зала свои песни.

Поэтому сажались за рояль профессор Зинаида Даниловна Попова и доцент Дмитрий Петрович Викторов.

Поэтому читала свои лирические миниатюры доцент Галина Сергеевна Эрдели.

Поэтому ставил спектакли в студенческом театре преподаватель Станислав Петрович Медянский.

Поэтому возникали и плодотворно работали несколько десятилетий Театр миниатюр ВГУ и Театр песни.

О них — особо.

История Театра миниатюр ВГУ прекрасно воссоздана в книге Зиновия Яковлевича Анчиполовского «Театр-легенда», и я не буду сейчас пересказывать историю этого коллектива.

Добавлю лишь несколько штрихов.

Театр, возникший в шестьдесят первом, продолжает и сегодня существовать как содружество близких по духу людей.

Давние актеры встречаются, иногда выступают в концертных программах, перезваниваются, переписываются. Если надо — приходят на помощь друг другу.

Что их связывает, этих людей, давно, казалось бы, живущих своими жизнями и своими семьями?

Много лет назад, когда театр только-только создавался, мой тезка Лев Дмитриев, тогдашний директор театра (учреждена была такая должность), и я внесли в устав коллектива совершенно утопический пункт: «Театр миниатюр ВГУ — это театр единомышленников».

Действительно, как можно было требовать единомыслия от совершенно разных людей (к

тому же — менявшихся каждые пять-шесть лет) одинаковых взглядов на жизнь?

Актеры-студенты действительно приходили и уходили, время влило на каждого из нас, но вот — поди ж ты! — сохранилось ядро коллектива, которое не изменило прежде всего самим себе.

И — уверен — живет все эти десятилетия — по законам, однажды внесенным в устав.

Репертуар театра рассыпался на множество реплик, часто вспоминаемых сквозь годы.

... Почему я не получил премию?

... И канализация почему-то не работает.

... Я могла бы побежать за поворот!

... Из стада сбежала коза Милка.

... Иди, мужик, и будь счастлив!

... Интересно, сколько им стоила эта свадьба?

...А я в Индию улетаю...

И эти реплики соединяют сегодняшнее с прошлым, не ушедшим, нет, а оставшимся не просто в памяти — в жизни.

Ушли Валентин Семенов, Владимир Сисикин, Вадим Кулиничев, Виктор Беляев, Александр Смирнов, но театр живет в придуманных ими текстах, спектаклях, сыгранных ролях.

У меня этому феномену только одно объяснение — жизнь бессмысленна, если ты сам не осознаешь своей значимости в этом мире. В конце концов, не официально признанными заслугами измеряется достоинство каждого из нас, а тем сокровенным, что живет внутри.

У каждого человека есть свой гамбургский счет.

Тем и живем.

Думаю, в равной степени все, что сказано о Театре миниатюр, относится и к Театру песни. И дело не только в том, что Театр песни вырос в недрах Театра миниатюр (базовой основой этого театра стал все тот же дубль-квнтет математиков), а в том, что творческий коллектив, рожденный вдохновением Анатолия Каплана и Александра Смирнова, был идейным союзником Театра миниатюр.

У нас слова «идейность», «идеология» нынче не в большой чести, поскольку в повседневном обиходе за ними стоит узость и зашоренность взглядов. Сразу вспоминается партийный диктат и знаменитое «Низ-з-зя!», прикрываемое заботой о нравственном пури-танстве и твердолобой борьбой с тлетворным буржуазным влиянием.

Концертные программы Театра песни (первые годы он гордо именовал себя театром политической песни) и его спектакли были обращены к главному в человеке — любви, добру, достоинству.

К здравому смыслу.

Мне кажется, здравый смысл был опорой этих близких по духу творческих коллективов.

Университетский народ эпохи «оттепели», потихоньку оттаивал и согревался в нормальной температуре человеческих организмов. Пришел в себя и понял, что мир сам по себе прекрасен.

Надо только это увидеть.

И поспособствовать тому, чтобы так было всегда.

А понявши это, начать жить по-своему.

И с этим уже ничего нельзя будет поде- лать.

